

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Гавриш А.Д., Гуляева Е.В., Компанеева Л.Г. — Характеристики современного научно-популярного дискурса // Филология: научные исследования. – 2023. – № 10. DOI: 10.7256/2454-0749.2023.10.44163 EDN: FBAMML URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=44163

Характеристики современного научно-популярного дискурса

Гавриш Алеся Дмитриевна

ORCID: 0000-0002-4791-5852

кандидат филологических наук

старший преподаватель кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС

400078, Россия, Волгоградская область, г. Волгоград, ул. Герцена, 10, ауд. 407

✉ prostozachem@mail.ru

Гуляева Евгения Вячеславовна

ORCID: 0000-0003-1605-8576

кандидат филологических наук

доцент, заведующий кафедрой лингвистики и межкультурной коммуникации, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС

400078, Россия, Волгоградская область, г. Волгоград, ул. Герцена, 10, ауд. 407

✉ guevgenia@yandex.ru

Компанеева Людмила Геннадьевна

ORCID: 0000-0001-8328-013X

кандидат педагогических наук

доцент, кафедра лингвистики и межкультурной коммуникации, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС

400078, Россия, Волгоградская область, г. Волгоград, ул. Герцена, 10, ауд. 407

✉ kompaneyeva@mail.ru

[Статья из рубрики "Массовая литература"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2023.10.44163

EDN:

FBAMML

Дата направления статьи в редакцию:

28-09-2023

Аннотация: Статья посвящена изучению современной научно-популярной литературы с целью выявления некоторых лексических и стилистических особенностей, а также специфики методологии подачи научно-популярной информации в наши дни. Авторы делают особый акцент на исследовании недекларируемых неявных дискурснозначимых элементов научно-популярных текстов. В качестве материала исследования выступают печатные версии книг общим объемом 196,6 усл.печ.л. Анализ фактического материала показал, что авторы научно-популярных книг стремятся повысить степень доверия к себе со стороны аудитории самыми разнообразными способами, в том числе, интимизируя процесс общения с читателем, демонстрируя близость к официально признанным академическим кругам и позиционируя спродуцированный текст как научно-значимый. Одно из наиболее характерных явлений, отмеченных в научно-популярных текстах – наделение некоторых лексических единиц (в том числе и терминов) гиперсубъектностью по отношению к контексту и использование их в дальнейшем в самых разнообразных ситуациях с созданием неявного идеологического давления, а также настойчивая демонстрация универсальности этих лексических единиц. Во всех проанализированных текстах выявлена неочевидная дискурсообразующая телеология, которая является инструментом мягкого продвижения смыслообразующих и отчасти идеологически обусловленных способов осмысления разнообразной фактологии. Характерным для проанализированной научно-популярной литературы является наличие редуцированной аргументации с неоправданным привлечением сторонней аксиоматики и распространением аргументационной базы на междисциплинарный стык. Отмечается привлечение примитивизированной аргументации, рассчитанной на дилетантский обывательский уровень. Нередким является и умолчание имеющихся научно-значимых связей и закономерностей, или такая их интерпретация, которая не конфликтует со спродуцированной в тексте информационной определенностью. Также можно отметить отвлекающую информационную избыточность, которую авторы статьи рассматривают в качестве одного из умышленно созданных адресантом способов членения текста.

Ключевые слова:

массовая аудитория, научно-популярный дискурс, нежелательные дискурсивные связи, гиперсубъектность, неформальное членение текста, неочевидная дискурсообразующая телеология, эффект трансдисциплинарной доверительности, эффект опережающей осведомленности, информационная определенность, примитивизированная аргументация

Введение. Современное понимание научно-популярного дискурса заключается в том, что данный вид дискурса находится на стыке публицистического и научного стилей и нацелен, прежде всего, на популяризацию научных изысканий среди широкой аудитории [1]. Научно-популярный дискурс обладает уникальным набором признаков и вербальных поведенческих моделей, которые представляют особый интерес для исследователей-лингвистов [2, с.763]; [3, с.1813]; [4]. Можно отметить, что существует достаточно масштабный запрос массовой аудитории на получение информации, основанной на использовании научно-методологических принципов. Часть аудитории хочет в максимально доступной форме получать информацию, касающуюся тех сфер знаний, в которых она не обладает достаточным уровнем компетентности. Существуют различные

варианты подачи такого рода информации, в том числе, в виде научно-популярной литературы, издающейся на бумажных носителях. Мы полагаем, что печатные носители используют психологические закономерности распределения внимания читательской аудитории.

Цель работы. В данном исследовании нами проводится анализ современной научно-популярной литературы с целью изучения особенностей лексики и стиля подачи информации. Задачи исследования заключаются в выявлении в современных бумажных источниках недекларируемых неявных дискурснозначимых элементов и особенностей трансляции научно-популярной информации. Ещё одной задачей является проведение анализа особенностей методологии подачи научно-популярной информации.

Материалы и методы исследования. В качестве источника материала исследования были выбраны бумажные носители, а именно, 6 печатных книг относительно большого объема (общее количество условных печатных листов: 196,6). Источниками материала послужили следующие книги: «Пластичность мозга» Дойджа Н. [5], «Ученые скрывают? Мифы XXI века» Соколова А.Б. [6], «Псевдонаука» Подымова Л.И. [7], «Сердце машины. Наше будущее в эру эмоционального искусственного интеллекта» Йонка Р. [8], «Тайны мозга. Почему мы во все верим» Шермера М. [9], «Будущее разума» Каку М. [10]. Проанализированные нами книги научно-популярного содержания имеют хорошее полиграфическое оформление и, в большинстве случаев, иллюстрации. Отметим, что все книги были приобретены в книжных магазинах города Волгограда, позиционировались как относящиеся к жанру научно-популярной литературы и стояли на соответствующих полках. Выбор книг осуществлялся методом случайной выборки.

Что касается методологии исследования, при анализе достаточно больших по объему текстов мы использовали совокупность современных методов лингвистического анализа текста. При отборе иллюстративного материала мы применяли метод сплошной выборки [11, с.157-63] для раскрытия смыслового наполнения некоторых ключевых терминов использовали методы дефиниционного и лексико-семантического анализа. Далее мы провели интерпретативный анализ отобранного материала, опираясь на процедуру лингвистического анализа текста, разработанную А. Н. Барановым. Особое внимание мы уделили интерпретации семантики текста [12, с.7], разграничению имплицитной и эксплицитной информации [12, с.17,40], выявлению манипулятивных технологий, связанных, к примеру, с навязыванием адресантом пресуппозиции [12, с.176]. Элементы критического анализа дискурса применялись нами для анализа не только самого текста, но и для анализа визуальной и образной составляющей печатных изданий и выявления в текстах причинно-следственных связей [13, с.95-121]; [14].

Отметим, что проанализированные нами бумажные носители рассчитаны на эксплуатацию специфических способов получения информации [15, с.85-94]; [16]. Среди этих способов хотелось бы особо выделить, что чтение книги это, как правило: индивидуализированный процесс, который при объёмности источника, практически неизбежно будет дискретным. Он также имеет вектор подачи информации: от формального начала к формальному концу печатного текста. Отдельные части текста оформляются как логически завершённые, а собственно конец повествования должен вызывать определенное желательное состояние у адресата, произвести на него некоторый эффект, связанный с удовлетворением эмоционально-когнитивных потребностей.

Результаты исследования и их обсуждение. Далее приведем статистические выкладки, полученные нами в результате анализа, которые, на наш взгляд, представляют особый интерес и нуждаются в более глубоком рассмотрении и пояснении. Перед этим считаем необходимым дать разъяснения некоторых моментов. Информация об авторе книги, содержащаяся в самой книге, является, по нашему мнению, значимой, так как читатель определяет степень научности источника, в том числе, и по ней. Наличие некорректного предметно-именного указателя может создать у читателя неверные представления о структуре информации, поэтому мы обращали внимание и на этот факт. Анализируя лексическое разнообразие текстов, мы отметили некоторые лексические единицы (в том числе термины), которые, с одной стороны, способны неявно расширить проблематику, а с другой стороны, вносят специфический окрас, создают возможность привлечения информации, сторонней по отношению к общему содержанию. Эти лексические единицы мягко привносят частичное идеологическое наполнение и создают распознаваемую акцентуацию лексики источника. В дальнейшем мы укажем некоторые из таких лексических единиц с подсчетом количества их упоминаний в тексте. Помимо этого, в научно-популярных текстах встречается большое количество имен собственных, так или иначе связанных с научным процессом. Мы при анализе фактического материала выявили относительно частое использование некоторых имен, на наш взгляд, не всегда однозначно определяемое очевидными потребностями собственно текста (в более подробном описании результатов анализа укажем некоторые из имен собственных). В части современного научно-популярного дискурса наблюдается определённая реализованная тенденция мифологизации деятельности реальных личностей. Мы обнаружили терминологические конструкты, содержащие мифологизированный эмоционально-окрашенный смысловой компонент («дарвиновская кнопка», «нейронный дарвинизм», «мозг Эйнштейна», «золотое правило Дарвина», «старик Дарвин»). Небезынтересно, что существует даже сериал 2015 года под названием «Друзья суперучёные», главными героями которого являются Альберт Эйнштейн, Чарльз Дарвин, Никола Тесла, Зигмунд Фрейд ^[17]. В статистических выкладках мы представили данные по частоте встречаемости в тексте таких имен собственных как Чарльз Дарвин, Зигмунд Фрейд и Альберт Эйнштейн. Также для этих имен мы указали количество перекрестных упоминаний, под которыми мы понимаем нахождение в тексте имен на одной странице. Помимо этого, мы отметили встречающиеся в тексте упоминания продукции американских масс-медиа и масс-медиа, ассоциированных с ними (в том числе, кинематографической продукции) в связи с тем, что эти упоминания используются авторами книг в качестве аргументационной базы и иллюстративного материала, а также практически всегда позиционируются в качестве общеизвестной информации.

Итак, представим некоторые статистические выкладки, полученные в результате анализа книги «Тайны мозга. Почему мы во все верим». Издание позиционируется как научно-популярное, автор книги является «историком и популяризатором науки, адъюнкт-профессором Клермонского университета» ^[9]. Затрагиваемая проблематика: социология, философия, астрономия, психология, психиатрия, история, политология, библеистика, теология, биология, генетика, т.н. сексология, нейробиология, физика, этология, религиоведение, зоология, зоопсихология, география. В книге есть предметно-именно указатель. В тексте имеется следующее количество выявленных нами упоминаний: «Дарвин» – 24 (на стр. 252–4); «Фрейд» – 2; «Эйнштейн» – 43 (на стр. 274–8). Перекрестные упоминания: «Дарвин» и «Эйнштейн» – 1 на стр. 309. Также выявлены частотные лексические единицы: «11 сентября» – 55; «ЦРУ» – 7; «США» – 29; «ВМС» США – 4; «Ирак» – 7. Лексический состав включает в себя, в том числе, названия брендов: «Oxford university press»; милитаризованную лексику: «Вторая мировая

война», «ФБР», «иракские военнопленные». Зафиксированные названия фильмов и другой продукции масс-медиа: сериал «X-files», «Мой ужин с Андрэ», «Игры разума», «Глубокая глотка», «Сумеречная зона», «За гранью возможного», «Невероятно!», «Шестое чувство», «Полтергейст», «Разменная монета», «Дух времени», мультфильм «Симпсоны», «Весь я», «Чумовая пятница», «Большой», «Из 13 в 30», сериал «Новобрачные», тв-шоу «Шоу Ларри Кинга», сериал «Free to choose», «Гарри Поттер», «Властелин колец», «Звездные войны», «Аватар», «Звездный путь», сериал «Неполиткорректно».

Некоторые статистические выкладки, полученные в результате анализа книги «Сердце машины. Наше будущее в эру эмоционального искусственного интеллекта» [8]. Издание позиционируется как научно-популярное. Автор – футуролог, программист-аналитик. В книге имеются благодарности академическим ученым. Затрагиваемая проблематика: нейрофизиология, психиатрия, физиология человека, биология, генетика, антропология, палеоантропология, психология, социология, информатика, философия, физика, т.н. сексология, сексопатология, языкознание. Предметно-именной указатель имеется, в нем отсутствуют имена Ч. Дарвин, З. Фрейд и А. Эйнштейн. В тексте имеется следующее количество выявленных нами упоминаний: «Дарвин» – 13 (среди них: 3 на стр. 354, «неодарвинистские взгляды» – 1, «дарвиновская кнопка» – 5); «Фрейд» – 1; «США» – 25 (в том числе: «Министерство обороны США» – 5, «МО США» – 2, «Соединенные штаты» – 2); «Ирак» – 3; «NASA» – 2. На стр. 131-135 имеется развернутая сюжетная линия, посвященная военным действиям США в Ираке. На стр. 227-228 приводится сочетание аббревиатур «Секретная служба США, ЦРУ, ФБР». В целом, можем отметить наличие в книге большого количества милитаризованной лексики. Лексический состав включает в себя, в том числе, многочисленные названия брендов и другие имена собственные: «Royal Dutch Shell», «Intel», «Microsoft», «Windows», «Bank of America», «Pepsi», «Google», «Apple», «Facebook», «Toyota», «Yamaha», «Nokia», «Gibson». Зафиксированы названия упомянутых в тексте фильмов и другой продукции масс-медиа: «Терминатор», «Парк Юрского периода», «Звездные войны», «Тайна красной планеты», «Назад в будущее», «Кто подставил Кролика Роджера», «Полярный экспресс», «Беовульф», «Рождественская история», «Ex Machina», «Она», «Искусственный разум», телевикторина «Рискуй!».

Некоторые статистические выкладки, полученные в результате анализа книги «Пластичность мозга» [5]. Данная книга позиционируется как издание для досуга, при продаже стояла на полке среди книг, которые относятся к научно-популярным. Автор – доктор медицины, психиатр, научный сотрудник Центра психоаналитического обучения и исследований Колумбийского университета в Нью-Йорке и факультета психиатрии университета Торонто. В книге имеются благодарности ученым-медикам и другим ученым. Затрагиваемая проблематика: медицина, психология, психиатрия, неврология, т.н. сексология, сексопатология, приматология, история, политология, нейрофизиология, нейропсихология, археология. Предметно-именной указатель отсутствует. В тексте имеется следующее количество выявленных нами упоминаний: «Фрейд» – 76 (в том числе, на стр. 362 – 6, стр. 363 – 6, стр. 364 – 4, стр. 365-5, стр. 366 – 6); «Дарвин» – 10 (в том числе «нейронный дарвинизм» – 1). Перекрестные упоминания Ч. Дарвина и З. Фрейда встретились нам на стр. 298 и 466. «США» – 10 (в том числе, «BBC США» – 2, «Соединенные Штаты» – 2, «USA» – 1). На стр. 432 имеется развернутый сюжет, посвященный военно-воздушным силам США. Лексический состав включает в себя, в том числе, названия брендов и другие имена собственные: «Playboy», «Porsche»; названия СМИ «CNN»; милитаризованную лексику: «война во Вьетнаме», «американские войска», «Вторая Мировая война»; исторические факты и термины, провоцирующие

негативное восприятие истории СССР: «сталинизм», «ГУЛАГ»; литературные произведения: «Лолита» В.В. Набокова, серия книг «Baby-Sitters Club».

Некоторые статистические выкладки, полученные в результате анализа книги «Будущее разума». Автор – профессор теоретической физики, преподает в Нью-Йоркском Сити-колледже, также работает в Институте перспективных исследований в Принстоне и в Нью-Йоркском университете ^[10]. Затрагиваемая проблематика: физика, астрономия, биология, нейрофизиология, генетика, физиология, нейробиология, психология, генетика, медицина, история, психиатрия, антропология, астрономия. Предметно-именной указатель имеется, однако, в нем отсутствует имя Ч. Дарвин. Указание на А. Эйнштейна располагается в разделе буквы «М» предметно-именного указателя («мозг Эйнштейна»). В тексте имеется следующее количество выявленных нами упоминаний: «Эйнштейн» – 61 (в том числе, на стр. 17 – 5, на стр. 189 – 7, на стр.190 – 9); «Дарвин» – 9; «Фрейд» – 7. Перекрестные упоминания: Ч. Дарвин и З. Фрейд: 1 на стр.318; Ч. Дарвин и А. Эйнштейн – 1 на стр.191. «США» упоминается 43 раза (в том числе, «армия США» – 5 раз, «ВВС США» – 4, «ВМС США» и «ВМФ США» по 1); «Пентагон» – 7 упоминаний; «ЦРУ» – 10; «NASA» – 15. На стр. 121 и 122 находится развернутый сюжет, посвященный боевым действиям США на Ближнем Востоке. Лексический состав включает в себя, в том числе, названия брендов и другие имена собственные: «Microsoft», «Windows», «Pentium», «IBM»; названия СМИ «New York Times», «YouTube», «Washington post»; встречается большое количество милитаризированной лексики: «Вьетнамская война», «Корейская война», целых 17 упоминаний аббревиатуры «DARPA» (агентство по перспективным оборонным научно-исследовательским разработкам США), «Ирак и Афганистан». Также нам встретились исторические факты и термины, провоцирующие негативное восприятие истории СССР: «авария на Чернобыльской АЭС», «хранилища советских ракет». Зафиксированные названия фильмов и другой продукции масс-медиа: «Запретная планета», «Матрица», «Звездный путь», «Железный человек», «Суррогаты», «Аватар», «Фантастическое путешествие», «Люди Икс», «Звездные войны», «Вспомнить все», «Идентификация Борна», «Люди в черном», «Чарли», «Человек дождя», «Планета Обезьян», «Восстание планеты обезьян», «Начало», «День независимости», «Сумеречная зона», «Пролетая над гнездом кукушки», «Правдивая ложь», «Знакомство с Факерами», «Особое мнение», «Игры разума», «Искусственный разум», «2001:космическая Одиссея», «Терминатор», «Экзорцист», «Звездный путь», «Земля против летающих тарелок», телешоу «Doogie Howser».

Некоторые статистические выкладки, полученные в результате анализа книги «Ученые скрывают? Мифы XXI века». Автор «с отличием окончил Санкт-Петербургский государственный университет по специальности прикладная математика, научный журналист, преподаватель» ^[6]. Затрагиваемая проблематика: биология, антропология, генетика, история, лингвистика, социология, археология, политология, зоопсихология, медицина, психология, психиатрия, теология, этнография, диетология. Предметно-именного указателя нет. В тексте имеется следующее количество выявленных нами упоминаний: «Эйнштейн» – 10; «Дарвин» – 36 (из них на стр. 117 встречается 7); «Фрейд» – 1. Перекрестные упоминания: А. Эйнштейн и З. Фрейд – 1 на стр.40; Ч. Дарвин и А. Эйнштейн – 4 на страницах 82, 101, 126 и 135. Также в книге встречаются следующие аббревиатуры: «ЦРУ» – 1 упоминание, «США» – 14, «NASA» – 2 и милитаризированная лексика: «Пентагон» – 3, «Ирак» – 8 (в том числе, «война США с Ираком» – 1, «потери Америки в Ираке» – 2). Лексический состав включает в себя, в том числе, название бренда «Google» (7 упоминаний); название СМИ: журнал «Nature» – 10; название соц. сети «Facebook*» (*деятельность данной социальной сети запрещена на

территории Российской Федерации) и онлайн-видеоплатформы «Youtube». Также нам встретились исторические факты и термины, провоцирующие негативное восприятие истории СССР, которые нашли отражение в следующих лексических единицах: «*введение советских войск в Афганистан*», «*Сталин и Гитлер*». Зафиксированные названия фильмов и другой продукции масс-медиа: «*Звездные войны*», «*Матрица*», «*Космическая Одиссея*», «*Ночь в Музее*», «*Последний неандерталец*», сериал «*X-files*».

Некоторые статистические выкладки, полученные в результате анализа книги «Псевдонаука» [7]. Автор является преподавателем в институте, позиционирует себя как академический ученый. Затрагиваемая проблематика: астрономия, физика, палеонтология, т.н. сексология, религиоведение, генетика, философия, психология, археология, медицина, антропология, нейрофизиология. Предметно-именной указатель отсутствует. В тексте имеется следующее количество выявленных нами упоминаний: «*Эйнштейн*» – 29 (в том числе, по 3 на стр. 143 и 164); «*Дарвин*» – 42 (в том числе, на стр.150 – 8 упоминаний, «*старик Дарвин*» – 1, «*дарвинизм*» – 6); «*Фрейд*» – 3. Перекрестные упоминания: Ч. Дарвин и А. Эйнштейн – 8 на страницах 45,47,139,140,149,164,171,462; Ч. Дарвин, А. Эйнштейн и З. Фрейд – 1 на стр. 171. «*США*» упоминается 13 раз; «*ЦРУ*» – 4; «*NASA*» – 3; «*11 сентября*» – 4. Лексический состав включает в себя, в том числе, милитаризованную лексику: «*Пентагон*», «*DARPA*» и исторические факты и термины, провоцирующие негативное восприятие истории СССР: «*война в Афганистане*», «*потери советских войск*». Также в книге встречаются названия литературных произведений: «*Гарри Поттер*», роман «*Автостопом по галактике*» и названия фильмов и другой продукции масс-медиа: сериал «*Доктор Хаус*», «*Аватар*», «*Интерстеллар*», сериал «*Теория большого взрыва*».

Далее постараемся более детально проанализировать полученные нами результаты и выявить, если возможно, значимые закономерности функционирования научно-популярного дискурса. Авторы исследуемых нами книг стремятся повысить степень доверия к себе со стороны аудитории самыми разнообразными способами. Среди них можно выделить интимизацию процесса общения с читателем [18, с.483-485]; [19], использование в повествовании фактов из биографии самого автора или его окружения, демонстрацию близости к официально признанным академическим кругам, выражающуюся в многочисленных благодарностях ученым, а также позиционирование спродуцированного автором текста как научно-значимого или, по крайней мере, всесторонне научно-обоснованного.

Пожалуй, наиболее характерное явление, отмеченное нами в ходе анализа материала – наделение некоторых лексических единиц (в том числе и терминов) гиперсубъектностью по отношению к контексту и использование их в дальнейшем в самых разнообразных ситуациях с созданием неявного идеологического давления, а также настойчивая демонстрация универсальности этих лексических единиц. Отметим, что при этом мы, применительно к нашей работе, понимаем идеологию следующим образом: это повторяющиеся способы социального взаимодействия, обусловленные принятием индивидом в качестве универсальной ценностной базы достаточно простых ригидных эмоционально-когнитивных построений, основанных на функционировании оценочных схем «хорошо-плохо» или «приемлемо-не приемлемо». Приоритеты системы аргументации любой идеологии состоят из небольшого количества открыто декларируемых универсальных принципов [20, с.13-24]. Мы расцениваем появление в текстах лексических единиц (в том числе терминов), наделенных гиперсубъектностью, в качестве одного из важнейших признаков, свидетельствующих о наличии идеологических составляющих в интенциях автора. В анализируемом материале мы

можем выделить некоторые элементы идеологических построений, являющиеся структурными компонентами гибридной идеологии, основанной на универсальном релятивизме, некритически идеализирующей часть научной методологии. Всё это в проанализированных текстах зачастую напрямую не связано с заявленной проблематикой и отформатировано в особые эмоционально-когнитивные блоки, нередко подменяющие когнитивные составляющие легко реализуемым эмоциональным потенциалом текста. В проанализированном материале идеологические составляющие не маркируются и не выделяются легко распознаваемыми специфическими элементами, как это обычно бывает в рамках функционирования идеологии.

Полагаем, что в научно-популярных текстах нередко продуцируется широкая наукообразная (в том числе с частичным привлечением и собственно-научной методологии) информационная база, прямо или опосредованно связанная с гиперсубъектными лексическими единицами. Это достигается также созданием и последующей эксплуатацией локальных и, как правило, некорректных избыточных междисциплинарных связей. Мы при анализе текстов обнаружили несколько закономерностей, касающихся распределения в «теле» текста наделенных гиперсубъектностью лексических единиц. Первая закономерность: их достаточно равномерное распределение, несоотносимое с последовательностью развития содержательной части. Вторая закономерность состоит в концентрации, сосредоточении максимального количества наделенных гиперсубъектностью лексических единиц, в том числе, терминов на единицу текста и создании таким образом визуально воспринимаемой графической (иконической) плотности.

Также мы обратили внимание на то, что практически во всех проанализированных нами источниках отсутствует последовательное философское осмысление заявленной проблематики. В текстах не имеется даже упоминания того, что такое осмысление вообще возможно, необходимо и является неотъемлемой частью научного процесса. Однако, в этих текстах имеется неочевидная дискурсообразующая телеология, которая является инструментом мягкого продвижения смыслообразующих и отчасти идеологически обусловленных способов осмысления самой разнообразной фактологии. В текстах формируются парадигмально-опорные точки (стечение смыслов), которые создают и стимулируют дальнейшее построение простых наукообразных схем «по аналогии». Редукция вариантов научного осмысления и стереотипизирование таких вариантов не могут обойтись без умалчивания и игнорирования «неудобной» фактологии.

В ходе анализа мы обнаружили многочисленные способы таких операций с информацией со стороны адресанта, которые трудно назвать корректными. Опишем некоторые из них:

1. Наличие редуцированной аргументации с неоправданным привлечением сторонней аксиоматики и распространением аргументационной базы на междисциплинарный стык.
2. Базовая аксиоматика, лежащая в основе научных теорий, опускается адресантом, не привлекается или игнорируется. Создается иллюзия существования самодостаточной и самовоспроизводящейся объективной научной реальности, определяющей аксиологию любых процессов, в том числе, социальных.
3. Привлечение примитивизированной аргументации, рассчитанной на дилетантский обывательский уровень: *«Эволюция-медленный процесс, чтоб увидеть ее - нужно прожить сотни тысяч лет»* [\[6, с. 253\]](#) ; *«При такой оценке даже в нашем Млечном Пути должно существовать минимум 200 тысяч обитаемых планет (одна миллионная*

умножается на 200 миллиардов)» [\[7, с.371\]](#); «С тех пор ученые сумели оценить число развитых цивилизаций в Галактике намного точнее» [\[10, с.423\]](#); «Эволюция отличается консерватизмом...» [\[5, с.356\]](#); «Исследования показали, что более частое и прицельное метание экскрементов свидетельствовало о более высоком интеллекте наблюдаемых шимпанзе. Хотя в современном человеческом обществе такое поведение сурово порицается, оно, по всей вероятности, было одной из обычных коммуникативных практик древних людей. Теперь у нас есть мотиватор!» [\[8, с.38-39\]](#); «Эволюция умнее науки» [\[9, с.472\]](#).

4. Умолчание имеющихся научно-значимых связей и закономерностей, или такая их интерпретация, которая не конфликтует со спродуцированной в тексте информационной определенностью. Иногда аргументация разворачивается в тексте таким образом, что умалчиваются базовые принципы, на основании которых эта аргументация бытует в общедоступных источниках. К примеру, существуют стандарты Американской Психологической Ассоциации, применение которых обязательно для психологов-членов ассоциации: «Психологические тесты и другие методы исследования, ценность которых частично зависит от неосведомлённости испытуемого, не воспроизводятся и не описываются в популярных изданиях таким способом, который может сделать невалидным сам метод исследования. Доступ к таким исследованиям ограничен теми людьми, кто профессионально заинтересован в них и гарантирует их безопасное использование» [\[21, с 56-60\]](#). Таким образом, значительная часть результатов работы психологов-членов Американской Ассоциации, обнародованных в научно-популярном дискурсе, оказывается попросту невалидной.

5. Отвлекающая информационная избыточность [\[22, с.57-61\]](#), связанная, в том числе, и с неформальным членением текста читательской аудиторией. Мы как исследователи рассматриваем это в качестве одного из умышленно созданного автором способов членения текста. Создается сочетание формального и неформального членения текста, которое может быть использовано в манипулятивных целях. Можно отметить, что информационная перегруженность эксплуатирует то, что мы понимаем как «эффект трансдисциплинарной доверительности» – построение адресантом внешне непротиворечивой системы, использующей элементы научных знаний из разных отраслей науки, с выводением значимой информации из-под действия необходимых формальных правил научной методологии. Этот эффект, на наш взгляд, состоит в том, что создается недекларируемая иерархическая система околонаучных (а иногда и псевдонаучных) универсальных, в том числе, идеологически обусловленных построений, представляющих из себя недостаточно обоснованные (или лишь эмоционально обусловленные) простейшие цепочки причинно-следственных связей.

6. Масштабность освещаемых проблем и разброс дисциплин, формирующая у читателя своеобразное системное восприятие информации, в результате чего может возникнуть весьма специфичное мироощущение. В таком мироощущении и миропонимании расстановка приоритетов зависит от навязанной доминанты восприятия информации (эта доминанта может быть достаточно простой, или даже примитивной). У аудитории в результате прочтения не возникает неприятия относительно несущественных идеологических составляющих текста именно из-за широты разброса привлеченных в качестве аргументов знаний, в которые они органично включены. Упрощенное мировосприятие и мироощущение замаскировано нагромождением информации, почерпнутой из самых разнообразных дисциплин.

Помимо прочего, при анализе научно-популярных текстов мы отметили феномен, который можно было бы обозначить как *«эффект опережающей осведомленности»*. Игнорирование и умалчивание неудобной информации – достаточно результативный прием. Однако, в современных условиях развития цифровых технологий реализовать его тяжело, так как информационная лакуна может быть спонтанно заполнена при использовании аудиторией самых неожиданных источников. Вероятно, именно поэтому модифицированная и минимизированная «неудобная информация» внедряется в научно-популярные тексты таким образом, чтобы она не создавала нежелательных дискурсивных связей (не обращалась к таковым), а тяготела бы к уже имеющимся, более предпочтительным с точки зрения адресанта. В проанализированной нами научно-популярной литературе значительная часть смыслообразующих понятий и смысловых доминант опираются именно на эффект опережающей осведомленности. В целом, мы могли бы определить его как введение в текст адресантом относительно нежелательной информации такими способами, что заместительно минимизируются или пресекаются нежелательные дискурсивные связи, а также значимо снижается потребность адресата к выявлению или установлению наличия таких связей.

Также добавим, что многочисленные упоминания о продукции американских масс-медиа и масс-медиа, ассоциированных с ними, в том числе, упоминания о художественных фильмах, в целом используются в анализируемых нами текстах в качестве общеизвестной информации и зачастую выступают в качестве своеобразного авторитетного источника. Апелляция к таким продуктам масс-медиа производится по тем же схемам, что обращение к массивам значимой информации и становится контекстуально активной, служит вспомогательным средством для выстраивания аргументационных цепочек.

Выводы. Таким образом, результаты, полученные в ходе анализа фактического материала, позволили нам сделать следующие выводы. Телеология процесса трансляции информации не всегда отвечает целям, декларируемым авторами, позиционирующими источник как научно-популярный. Авторами книг широко используются эффективные способы воздействия на массовую аудиторию, более характерные для политического дискурса. В качестве примеров таких способов можно привести следующие:

- 1) интенсивное информационное давление, определяемое как широким разбросом тем, так и избыточностью информации;
- 2) неоправданное детализирование;
- 3) игнорирование и замалчивание «неудобной» части информационного потока;
- 4) встраивание в информационный поток идеологически обусловленных элементов;
- 5) интимизация процесса подачи информации.

В проанализированных нами источниках религиозное мировоззрение показано в виде разрозненных, противоречивых, несогласованных между собой частей, создающих неверное представление об объективной реальности. Религиозное мировоззрение изображается как наивное и явно противопоставляется науке в целом. Декларируемый авторами «научный подход» состоит, в том числе, из последовательного отторжения религиозно-философского осмысления действительности.

Наличие выделенных нами эффектов *«опережающей осведомленности»* и *«трансдисциплинарной доверительности»* позволяет обоснованно предположить наличие

сложных недеклалируемых закономерностей построения текста. Создание эмоционального фона, скреплённого с гиперкритическими способами осмысления «неудобной» информации, может повлечь за собой потенциальное отторжение адресатом такой информации в дальнейшем. В рамках научно-популярного дискурса такое отторжение представляется нам весьма вероятным. Бытование гиперсубъектных лексических единиц, в том числе, терминов, можно расценивать как элемент неявного идеологического давления на аудиторию, а противопоставление научного и религиозного мировоззрения – как часть глобального либерально-релятивистского дискурса, стремящегося вытеснить систему традиционных ценностей и подменить ее идеологическими конструктами, использующими в качестве аргументационной базы отформатированные элементы научной методологии.

Возможными перспективами исследования является проведение подобного анализа других источников – носителей научно-популярной информации с целью выявления в них выделенных нами закономерностей. Небезынтересными могут оказаться попытки определения целеполагания использования идеологических составляющих в научно-популярном дискурсе.

Библиография

1. Кузьминых Ж.О., Красильникова Н.В. Научно-популярный дискурс как коммуникативный феномен: сущность и основные характеристики // *Universum: филология и искусствоведение: электрон. научн. журн.*, 2022, № 7(97) [Электронный ресурс]. URL: <https://7universum.com/ru/philology/archive/item/14077> (дата обращения: 20.05.2023)
2. Кисилев А.Ю. Адресные стратегии в научно-популярном дискурсе // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*, 2010. №5. С. 762-765.
3. Таюпова О. И. Языковой код в научно-популярном тексте // *Вестник Башкирского ун-та*, 2012. №4. С. 1812-1815.
4. Карасик В. И. О типах дискурса. Языковая личность: институциональный и персональный дискурс : сборник научных трудов под редакцией В. И. Карасика, Г. Г. Слышкина. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5-20.
5. Дойдж Н. Пластичность мозга. Потрясающие факты о том, как мысли способны менять структуру и функции нашего мозга [пер.с англ. Е. Виноградовой]. М.: изд-во «Э», 2017. 544 с.
6. Соколов А. Ученые скрывают? Мифы XXI века. М.: Альпина нон-фикшн, 2022. 370 с.
7. Подымов Л.И. Псевдонаука. М.: АСТ, 2018. 478 с.
8. Йонк Р. Сердце машины. Наше будущее в эру эмоционального искусственного интеллекта. [пер. с англ.Э.Воронович]. М.: Эксмо, 2019. 464 с.
9. Шермер М. Тайны мозга. Почему мы во все верим. [пер.с англ. У. Сапциной] М.: Эксмо, 2015. 560 с.
10. Каку М. Будущее разума: пер. с англ. М.: Альпина нон-фикшн, 2015. 502 с.
11. Bhardwaj P. Types of sampling in research. *Journal of the Practice of Cardiovascular Sciences*, 2019. №5. Pp. 157-63.
12. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теоретические основания и практика: учебное пособие. М.: изд-во Флинта: Наука, 2013. 592 с.
13. Van Dijk T. Multidisciplinary Critical Discourse Analysis: a plea for diversity // *Methods of critical discourse analysis* / Edited by R. Bak and M. Meyer. Guildford, Surrey: Biddles Ltd, 2001. Pp. 95-121.

14. Machin D. and Mayr A. (2012). How To Do Critical Discourse Analysis. A multimodal introduction. Los Angeles: SAGE. 236 p.
15. Ziming L. Digital reading. Chinese Journal of Library and Information Science (English edition), 2012. Pp. 85-94.
16. Jeong H. A comparison of the influence of electronic books and paper books on reading comprehension, eye fatigue, and perception. The Electronic Library, 2012, Vol.30, №3. Pp. 390-408. <https://doi.org/10.1108/02640471211241663>
17. Друзья суперученые (сериал, 1 сезон) // Интернет-сервис «Кинопоиск» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kinopoisk.ru/series/949167> (дата обращения: 10.03.2023)
18. Доронина И.М. Вербальное поглаживание в фатическом общении. Психолингвистический аспект. Философия в XXI веке: социально-философские проблемы современной науки и техники : Материалы I Международной научно-практической конференции, 12 мая 2023 года. Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2023. – С. 483-485.
19. Кузнецова А.А. О соотношении понятий «интимизация речи» и «диалогизация речи» (лингвопрагматический аспект) Russian Linguistic Bulletin, 2023, №5 (41). DOI: 10.18454/RULB.2023.41.22
20. Подгорный В.В. Феномен идеологии в управлении социальным развитием общества // Вопросы управления, 2016. №2 (20). С. 13-24.
21. American Psychological Association. (1963). Ethical standards of psychologists. American Psychologist, 18(1), 56–60. DOI: 10.1037/h0041847
22. Гавриш А.Д. Эмоциональная и информационная избыточность в современной медиакommunikации. Лучшая научно-исследовательская работа 2021 : сборник статей XXX Международного научно-исследовательского конкурса (Пенза, 28 февр. 2021 г.). Пенза : МЦНС «Наука и Просвещение». 2021. С. 57-61.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Характеристики современного научно-популярного дискурса», предлагаемая к публикации в журнале «Филология: научные исследования», несомненно, является актуальной, ввиду возрастающего интереса к изучению различных видов дискурса и их языковых особенностей, в особенности научного, с учетом все большей ориентацией на применение языка в профессиональной деятельности в подготовке будущих специалистов.

В данном исследовании нами проводится анализ современной научно-популярной литературы с целью изучения особенностей лексики и стиля подачи информации. Задачи исследования заключаются в выявлении в современных бумажных источниках недекларируемых неявных дискурснозначимых элементов и особенностей трансляции научно-популярной информации. Ещё одной задачей является проведение анализа особенностей методологии подачи научно-популярной информации.

Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественном языкознании. Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и

задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Основной методологией явились: метод сплошной выборки, методы дефиниционного и лексико-семантического анализа, интерпретативный анализ отобранного материала и др.

В качестве источника материала исследования были выбраны бумажные носители, а именно, 6 печатных книг относительно большого объема (общее количество условных печатных листов: 196,6). Источниками материала послужили следующие книги: «Пластичность мозга» Дойджа Н., «Ученые скрывают? Мифы XXI века» Соколова А.Б., «Псевдонаука» Подымова Л.И., «Сердце машины. Наше будущее в эру эмоционального искусственного интеллекта» Йонка Р., «Тайны мозга. Почему мы во все верим» Шермера М., «Будущее разума» Каку М.

Выбор книг осуществлялся методом случайной выборки.

Теоретические измышления недостаточно проиллюстрированы языковыми примерами, а также представлены убедительные данные, полученные статистическими методами или корпусным анализом.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором.

Отметим, что заключение требует усиления, оно не отражает в полной мере задачи, поставленные автором и не содержит перспективы дальнейшего исследования в русле заявленной проблематики. Библиография статьи насчитывает 22 источника, среди которых представлены работы как на русском, так и иностранных языках. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы отечественных исследователей, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации.

Технически при оформлении библиографического списка нарушены общепринятые требования ГОСТа, а именно несоблюдение алфавитного принципа оформления источников.

Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по теории текста, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвященным связи языка и общества. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Характеристики современного научно-популярного дискурса» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.